

Пацифизм и альтернативное моделирование безопасности

Владимир Штоль
Александр Задохин

*Не заглушить стремленья к высшей сфере
И буре той, что днесь шумит кругом!
Пусть вновь все люди – злобный враг с врагом,
Пусть в новых душах вновь воскресли звери.*

*Все ж топот армий, громы артиллерий
Не заглушат стремленья к высшей сфере.*

Брюсов В.Я. Мировая война XX века (1918 г.)

Национальная и международная безопасность традиционно имеет государственно-ориентированный формат. Но со второй половины XIX в. предпринимаются попытки переосмысления тех оснований, на которых построены государственные концепции безопасности и начинают разрабатываться альтернативные варианты. Проблематика нового понимания безопасности – пусть еще не существующего и кажущегося маловероятным – это прогнозирование тенденций, проектирование, моделирование, программирование и т.д. А во-вторых, это оценка настоящего состояния системы безо-

ШТОЛЬ Владимир Владимирович – доктор политических наук, профессор; заведующий кафедрой государственно-конфессиональных отношений Международного института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы (МИГСУ РАНХиГС) при Президенте Российской Федерации; профессор Центрально-Европейского университета (Словакия). *E-mail:* vv.shtol@migsu.ru

ЗАДОХИН Александр Григорьевич – доктор политических наук, профессор Дипломатической академии МИД России. *E-mail:* aleksander_1945@mail.ru

Ключевые слова: безопасность, пацифизм, гендер, политический реализм, баланс сил, гражданское общество.

пасности, в том числе системы деятельности государства и профессионалов в этой области.

Перейти на другой уровень понимания реальности или будущего – значит предложить другой образ, в нашем случае – образ безопасности. Безусловно, что он может быть пока описан только качественно. Но этого достаточно, чтобы образ, как некий ориентир, мог влиять на поведение человека. Вполне очевидно, что реальность меняется быстрее, чем происходит осознание этого. Поэтому альтернативное видение необходимо

само по себе как осознание себя и окружающей реальности, старых и новых проблем развития. Это объективность и свойство человеческого разума.

В этом контексте альтернативные интерпретации безопасности и являются таковыми. Они оспаривают сложившийся в процессе возникновения и развития государств и доминирующий в политической и военной практике государственно-центричный и силовой подход к обеспечению безопасности и выступают за расширение определения безопасности¹.

Забывтый пацифизм

Пацифизм основывается на старейших философско-политологических научных концепциях и общественных движениях, которые предложили свое понимание безопасности, противостоящих войне или другим формам насилия и приветствующих позитивное восприятие мира как кооперативного устройства группы². Пацифизм вообще выступает за ненасильственные методы разрешения конфликтов в качестве основного средства достижения личных и политических целей. Причем в СССР отрицательно относились к этому научному направлению, считая его «буржуазно-либеральным»³.

В пацифизме изначально наличествует моральное (человеческое) противостояние насилию и войне, рациональное понимание того, что худой мир лучше доброй ссоры, и осознанная приверженность общественному и политическому сотрудничеству, основанному на соглашениях. С одной стороны, пацифизм утверждает

то, что мир – не просто отсутствие войны, а с другой – условие такого устройства жизни группы, которое создается внутри этой группы за счет добровольного сотрудничества ее членов в противоположность устройству, навязанному группе извне с помощью внешнего господства.

Пацифистские идеи появились как понимание общественными и политическими кругами ряда стран последствий роста количества жертв в войнах и появления все новых видов вооружений уже массового (пока еще неядерного) поражения. Вопрос о разоружении и запрете некоторых видов вооружений предполагалось поставить на Гаагской конференции мира (1899 г.), одним из инициаторов созыва которой была Российская империя.

Гражданские пацифисты обращали внимание на страдания людей (особенно мирных граждан) и моральную деградацию общества во время войн.

Распространение пацифистских идей происходило в значительной

степени благодаря деятельности и произведениям таких известных общественных деятелей, как Лев Толстой, Махатма Ганди, Мартин Лютер Кинг-младший⁴ и др. Их взгляды привели к рассмотрению альтернативной войне и насилию⁵.

Тема борьбы за мир и против войны входила в программы ряда европейских политических партий, в том числе и России. Так, левое крыло Российской социал-демократической партии сотрудничало с болгарскими социал-демократами в период Русско-японской войны и Балканских войн начала XX в.⁶

Во время холодной войны в 50-х–60-х годах прошлого столетия коммунистические

партии социалистических стран провели ряд совещаний, в повестке которых стояли вопросы борьбы за мир⁷.

В начале 70-х годов СССР вместе с Францией инициировал процесс разрядки в Европе и явился активным участником созыва и проведения Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (Хельсинки, 1975 г.)⁸.

В середине 80-х годов СССР выступил «за честную и открытую внешнюю политику». Предлагалось «положить в основу международной политики общечеловеческие морально-этические нормы, очеловечить, гуманизировать межгосударственные отношения»⁹.

Названные идеи были близки и пацифистам второй половины XX столетия.

Пацифисты второй половины XX столетия

Начавшаяся после окончания Второй мировой войны ядерная гонка вооружений между США и СССР была негативно воспринята общественностью и рядом политиков мира. Пацифисты считали, что война между ядерными державами стала не столько невозможной, сколько абсурдной и катастрофичной по своим последствиям для этих стран и мира в целом. Для пацифистов само изобретение и создание атомного оружия и его использование изначально были аморальны, чем бы ни оправдывалось его применение. Осознание аморальности на личностном уровне произошло у американских летчиков, которые сбросили на Хиросиму атомную бомбу, а впоследствии и у ряда советских и американских создателей атомной бомбы.

В этой связи можно подвергнуть сомнению тезис, что создание атомной бомбы предотвратило третью мировую войну. Если ее не было, это еще не аргумент, что именно ядерное оружие предотвратило её. Во всяком

случае, этого недостаточно с точки зрения формальной логики: чего не было – того не было.

Надо сказать, что тема борьбы за мир присутствовала в декларациях обеих сверхдержав.

По мнению пацифистов начала XXI в., современная высокотехнологичная война выходит за пределы своих первоначальных целей в такой степени, что возможности сохранить традиционные для теории «справедливой» войны законы, ограничивающие военные действия, весьма условны. Средства ведения войны попросту переросли возможности контроля за их применением. Оружие способно достичь любой точки мира и поразить попутно не только военные, но и любые гражданские объекты. Причем изобретение высокоточного оружия в конце XX столетия в принципе ничего не изменило.

Помимо критики войны как таковой следует отметить прежде всего разработку пацифистами концепции безопасности как «состояния мира».

То есть мир – это не просто отсутствие войны, а самоорганизация общества и мирового сообщества на основе осознанного согласия (понимания необходимости) граждан и наций. В этом коренное отличие от общественного порядка, навязанного группе через внутреннее и внешнее давление, или зависимости от баланса сил на международной арене. Поиск и создание условий для построения и поддержания самоорганизующегося социального и международного порядка означают установление именно позитивного мира.

Для пацифистов приемлемым средством является ненасилие в принципе, так как установление мира означает единство целей и средств или в крайнем случае компромисс, так что мир становится образом жизни, сосуществования, культурой, а не утилитарной (например, баланс сил) и изолированной (временной) целью. Достичь мира путем насилия («принуждение к миру») можно, а в определенных ситуациях просто необходимо, но это может иметь только локальный характер.

Очевидно, что ненасильственное общественное устройство может

быть построено и поддержано только посредством ненасилия¹⁰.

Для понимания поведенческой стратегии в сфере безопасности очень важно рассмотрение государственной идентичности, ее возникновения и авторитета.

Институт государства появился как некое продолжение священного института главы рода и вождя племени. В течение всей истории в обществе утверждалась мистическая вера в мессианское предназначение государства как защитника общества от внутренних и внешних угроз. Все это сформировало традицию сакрализации именно государственной безопасности.

Такое положение вещей сохранялось до поры до времени. Это было необходимо и государству, и обществу (народу). Причем в иерархии их отношений государство однозначно стояло над обществом, хотя и отождествляло себя с ним. Например, мы – Людовик XIV или Александр II. Но постепенно общество определяется в своих интересах, что в конечном итоге приводит к возникновению понятия «гражданское общество», или по-другому – «общество граждан с институтами защиты своих интересов».

Гражданское общество и безопасность

Осознание катастроф двух мировых войн и угрозы ядерной войны уже давно требовало пересмотра места государства в контексте национальной и международной безопасности. Соответственно, начинают возникать различные концепции национальной и международной безопасности, альтернативные традиционным государственно-ориентированным.

Естественно, что речь идет не об игнорировании роли государства и его институтов в обеспечении безопасности. Напротив, со одной стороны общества возрастают требования к государству, с другой стороны утверждается, что стабильная международная безопасность возможна только при опоре на гражданское общество¹¹.

Концепция гражданского общества со времен Просвещения и Французской революции основана на операции самоопределяющегося народа, общества граждан, а в настоящее время рассматривается не столько как альтернатива государству, а как необходимый элемент устойчивого развития социально-политической системы как таковой. В этом случае о формировании гражданского общества можно говорить как о бесконечном процессе национальной интеграции и развития демократии.

Таким образом, речь идет о самоорганизующейся общности граждан, претендующей на активное участие в политическом процессе, в том числе формировании внутренней и внешней политики.

По мнению известного немецкого философа и политолога Юргена Хабермаса, после окончания холодной войны «на повестку дня ставится трансформация международного права в право космополитическое, мирогражданское» как попытка сторонников гражданского общества ограничить угрозу войны между суверенными государствами¹².

Антропоцентрическая концепция безопасности

Одной из альтернативных концепций безопасности является концепция человеческой безопасности (*human security*)¹⁶, которую можно достичь «путем сотрудничества государств и народов». Согласно этой концепции, «подлинная безопасность должна основываться прежде всего на безопасности отдельной личности»¹⁷.

Соблюдение и защита основных гражданских свобод и естественных прав личности – это то ядро человеческой безопасности, производными

Альтернативные концепции гражданского общества, подвергая сомнению роль государства как абсолютно го гаранта безопасности, настаивали на многомерном и многоуровневом подходе, выходящем далеко за неореалистические рамки широких понятий «мощь»¹³ и «мягкая сила»¹⁴, что сближает их с пацифистами, феминистами, «зелеными», антиглобалистами и сторонниками глобального «мирогражданского общества».

Это согласуется с таким определением безопасности, в котором главным моментом является введение в повестку дня мировой политики безопасности индивидуума, включенного в более широкие социальные структуры и современные глобальные проблемы человеческой цивилизации. То есть понимание обеспечения безопасности должно находиться вне государственно-ориентированных теорий, а человеко-ориентированный анализ – «снизу вверх» важен для понимания вопросов безопасности в контексте безопасности человека как такового¹⁵.

от которой являются все остальные формы безопасности. Соответственно, термин «индивидуальная безопасность» стал звучать как синоним таких понятий, как «безопасность человека» или «права человека». Утверждается, что концепция индивидуальной безопасности должна стать краеугольным камнем любой устойчивой и эффективной системы международной безопасности на базе сотрудничества.

Как известно, концепция человеческой безопасности основывается

на Программе развития ООН (ПРООН, UNDP), заявленной в 1993 г. в «Докладе о развитии человека» (*Human Development Report*)¹⁶. В последующих ежегодных докладах ПРООН ставился вопрос о переходе от узкого, националистического понятия безопасности к всеобъемлющему понятию человеческой безопасности. Пессимисты же утверждают, что это всего лишь утопия, благое пожелание, не имеющее отношения к реальности¹⁶. И все-таки речь идет не об утопии.

Сторонники человеко-ориентированного подхода к безопасности отдают себе отчет в том, что они говорят об идеалистическом образе безопасности или проекте на будущее. Но те, кто развивает идею человеческой безопасности, настаивают на безопасности людей, а не только государств.

Международная ситуация начала XXI в. требует уделять внимание не только национальной безопасности традиционного плана, но и «значительно больше внимания безопасности людей», меньше думать о безопасности через вооружение и больше – о безопасности через человеческое развитие (о продовольственной, трудовой, экологической, жизнеохранительной безопасности и т.д.). В то время как национальная безопасность предполагает защиту государств от враждебно настроенных соседей, негативный образ которых часто культивируется в чисто внутривластных целях властных режимов, концепция человеческой безопасности повышает требования к власти и включает критику собственных деспотических, авторитарных и даже демократических правительств. А то и противодей-

ствие этим правительствам. Не отрицая объективной необходимости института государства как института управления и организации, альтернативисты настаивают на том, чтобы гражданское общество имело возможность представлять свое понимание национальной и международной безопасности и участвовать в формировании политики национальной и международной безопасности.

Современная ключевая проблема безопасности – это проблема гонки вооружений. Она является следствием того, что производство вооружений превратилось в самодостаточный глобальный процесс, который трудно объяснить только ссылкой на национальные интересы, получение сверхприбыли или какие-то иные сверхцели. Скорее всего, гонка вооружений является формой существования и самомобилизации национальных элит без какой-то определенной рациональной цели. Этим гонка вооружений и представляет особую опасность для человечества, нейтрализуя его человеческие начала и подавляя его интеллект. Изоциренность новейших изобретений в области вооружений, направленных на уничтожение человека, и масштабы их производства не позволяют решать насущные проблемы, создавая новые. Но главное – все это препятствует демилитаризации национальных сознаний и международных отношений.

Стоит отметить, что на Востоке пацифистские настроения представлены весьма слабо. Для этого могут быть причины геополитического характера, вытекающие из региональных особенностей международных

отношений и идеологии политических режимов. При этом приобретая или создавая вооружения, восточные государства *способствуют* развитию военных технологий и производств в западном мире, *стимулируя* милитаризацию политического процесса, мировой экономики и международных отношений.

В то же время насыщение современными вооружениями даже не отдельных стран, а целых восточных регионов приобретает такие масштабы, что при слаборазвитом или полном отсутствии гражданского контроля над армией в государствах

Востока и эффективных институтов регулирования международного уровня он может выйти из-под контроля.

Сдерживать рост военной мощи Востока способны только страны Запада и Россия. Но элиты западных государств, ссылаясь на необходимость поддержания баланса сил в том или ином регионе с расчетом на определенную долю прибыли и власти, постоянно лоббируют военные поставки. При этом Восток по своему конфликтному потенциалу превосходит «балканский пороховой погреб» Европы.

ООН – институт антропоориентированной международной безопасности

Несмотря на то что мир в начале XXI столетия сильно отличается от мира середины прошлого столетия, когда создавалась Организация Объединенных Наций, это не снижает значимости ООН как института международной безопасности. В то же время разговор о реформе этой организации ведется, и он закономерен. В частности, на вхождение в состав постоянных членов Совета Безопасности ООН претендуют такие государства, как Германия, Япония и Индия. И у них есть для этого основания. Первые два входят в семерку наиболее развитых стран мира, а Индия по динамике своего развития и масштабам не уступает соседнему Китаю.

Вполне возможно, что преобразования должны касаться не только ООН.

Есть предложение создать «большую восьмерку», представляющую уже не государства, а региональные сообщества. Разумно было бы, чтобы

этот институт, если он будет создан, входил в структуру ООН. Существует проект подключения к ООН института прямого представительства гражданских обществ.

Например, уже упоминавшийся выше Юрген Хабермас предлагает «пополнить Генеральную Ассамблею представителей правительств “вторым уровнем” – уровнем представителей от граждан мира»¹⁸.

Концепцию человеческой безопасности должны развивать и проводить в жизнь ООН и другие международные организации. Эти организации представляют собой рамки, внутри которых международное сообщество государств способно действовать совместно, а когда международное сообщество действует коллективно, оно должно действовать в интересах человеческой безопасности. ООН уже достаточно давно приняла идею «коллективной безопасности». Так почему бы не расширить ее до понятия коллективная человеческая безопасность, которая стала бы

основой международных коллективных действий в ответ не только на военные угрозы, но и на угрозы социальному, экономическому, политическому, культурному благосостоянию? Сторонники человеческой безопасности утверждают: все, что делает ООН, должно иметь целью улучшение благосостояния людей во всех его аспектах или измерениях.

Возможно, самым важным в понятии человеческой безопасности является то, что она сосредоточивает внимание международных организаций непосредственно на индивидах и их проблемах. Это значит, что отныне задачи международных организаций, в том числе закрепленные за ООН, должны быть ориентированы на человека, людей и непосредственную заботу о них с целью их безопасности и улучшения качества жизни.

Но здесь кроется и основная причина существующего неприятия теории и практики человеческой безопасности: защита человеческой безопасности международными организациями сталкивается с защитой и сохранением национального суверенитета.

Большинство государств остается в высшей степени чувствительными к нарушениям суверенитета, и идея гуманитарной интервенции со стороны международного сообщества разбивается об идею сверхгосударственности ООН, не популярную у правительств стран-членов. Особенно много возражений выдвигают малые и незападные государства, которые воспринимают международное вмешательство как нечто враждебное, обычно исходящее от Запада¹⁹.

Те, кто придерживается скептической позиции относительно новой концепции человеческой безопасности, задаются вопросом, из чего исходят полномочия международного сообщества на вторжение в пределы суверенного государства и в его внутренние дела – для защиты ли человеческой безопасности или в других целях?

Однако даже без учета проблемы суверенитета переориентация действий международных организаций на защиту человеческой безопасности поднимает множество других спорных проблем, которые вполне могут привести к политической смерти самой идеи. Среди них не последним является вопрос о том, кто или что, собственно, является международным сообществом, которое призвано вмешиваться для защиты и поддержания человеческой безопасности.

И вновь, что является основанием для легитимности такого вмешательства? Ситуации, когда Совет Безопасности ООН уже действовал во имя человеческой безопасности, взяв на себя право вторгаться в суверенные государства для защиты людей, вызвали международные дебаты.

Действительно ли Совет Безопасности представляет международное сообщество, спрашивают критики, или же он представляет интересы постоянных членов, которые заботятся только о себе?

Если же Совет Безопасности не является легитимным представителем международного сообщества, то кто им является?

Страны Запада во главе с США часто считают себя единственными, кто

способен представлять «международное сообщество», а свои действия абсолютно правомерными. Но такие идеи не получают одобрения.

С другой стороны, Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций не обладает достаточными полномочиями, чтобы реально действовать, и редко достигает консенсуса по какому-либо вопросу.

Таким образом, возникает важнейшая проблема для института, представляющего международное сообщество, особенно тогда, когда этому сообществу требуются права для вмешательства в дела суверенных государств для защиты человеческой безопасности.

Международная политическая ситуация вокруг «безопасности личности» очень напряженная, ибо речь идет об ограничении полномочий государства и расширении полномочий международного сообщества и Организации Объединенных Наций как его представителя. Поэтому как внутри ООН, так и вообще в современных международных отношениях есть как убежденные противники, так и пылкие сторонники применения положений концепции человеческой безопасности для оправдания международных коллективных действий.

«Гуманитарная интервенция» также имеет своих критиков и сторонников, есть также группы и коалиции, которые не возражали бы освободиться от необходимости защищать человеческую безопасность, и силы, которые приветствуют ее как предтечу будущего. Баланс между этими силами и результаты взаимодействий между ними в рамках ООН и определяют будущее «человеческой безопасности».

Для концепции человеческой безопасности не столь важно, действительно ли государство намеренно унижает собственных граждан или просто потеряло контроль над событиями¹⁶.

Но поскольку исторически государство является единственным институтом, ответственным за обеспечение безопасности, именно оно по определению повинно во всех нарушениях на своей территории (даже если прямым источником угроз человеческой безопасности выступает не государство, а, например, банды, с которыми власть не может справиться). Как бы там ни было, государство не выполняет своих обязательств и поэтому, как утверждают сторонники концепции человеческой безопасности, в случае угрозы жизни и благосостоянию граждан оно не должно приниматься во внимание.

Таким образом, не сами по себе старые и новые угрозы и риски, а то, что сторонники концепции человеческой безопасности обращаются к этим угрозам и рискам, минуя систему суверенных государств, является необходимой и существенной характеристикой данного понятия.

Несмотря на неоднозначность указанного подхода, оправданием ему служит то, что некоторые современные государства либо не способны обеспечить безопасность своих граждан, либо сами становятся основным источником угроз. Но тот факт, что альтернативное понимание безопасности исходит от стран Запада и их союзов, часто воспринимается как некий заговор против национального государства и прикрытие западной силовой политики. И

это при том что силовой подход к решению внутренних и внешних проблем не чужд и незападным государствам.

Гендерное измерение безопасности

Появление новых вызовов и угроз безопасности человеческой цивилизации и человеку как проявление негативной тенденции в глобальных процессах и нерешенности глобальных проблем ставит вопрос не о смене одной системы ценностей на другую, а о формировании системы ценностей, адекватной формуле устойчивого развития человечества²⁰. Речь идет о формировании культуры устойчивого развития с ориентацией на человека, гармонизации социо-природных и политических отношений, в том числе отношений мужчин и женщин. Все это требует серьезных перемен, которые можно выразить и понятием «феминизация культуры» как достижения определенного баланса в социальных и политических отношениях²¹, и обретения в развитии еще одного альтернативного видения.

Феминисты пересматривают в корне представления о безопасности, оспаривают навязанные американскими то ли политологами, то ли политтехнологами силовые основы пресловутого «политического (нео)реализма». Феминисты высказываются за такое понятие безопасности, которое связано со справедливостью и эмансипацией, исходит от индивидуума, когда глобальное определение безопасности даётся, не взирая на «порядок – анархия», «внешние угрозы – внутренние угрозы», «стратегический паритет биполярно-

В этой связи особое место в ряду альтернативных концепций безопасности занимает феминистский подход.

го мира» и т.д.¹ Причем большинство феминистов считают, что для понимания поведенческой стратегии в сфере безопасности очень важно рассмотреть все той же государственной идентичности в контексте ее возникновения как формы территориальной самоорганизации социальной группы.

Направленность же феминистов на достижение эмансипационной цели – положить конец подчинению женщин – согласуется с более широким определением безопасности, где главным моментом, по их мнению, является введение в повестку дня безопасности человека. Феминисты пытаются разобраться в том, как безопасность индивидуума и групп людей на всех уровнях в обществе и культуре сосуществует с насилием как в физическом²², так и в структурном смыслах²³.

Феминисты в целом разделяют мнение тех ученых, которые считают, что культура, идентичность и интерпретирующие их способы анализа «снизу вверх» важны для понимания вопросов безопасности¹⁶ и что эмансипаторское видение безопасности должно находиться вне государственных ограничений.

Чтобы сделать гендерные взгляды очевидными, феминисты, изучающие международные отношения, провели анализ положений реализма и неореализма, в которых говорится о поведении государств в сфере национальной безопасности²⁴. На

основе проведенного исследования так называемых мифов о сотворении международных отношений, на которых построены реальные положения о поведении государств, они выявили предания, отражающие мужские взгляды на то, как люди ведут себя в обществе.

Важно отметить, что феминисты считают гендер центральной категорией анализа для понимания проблем безопасности. По их мнению, именно наличие неравных социальных структур, определяющих доминирование мужского начала в политике государства, негативно сказывается на безопасности личности и групп^{21, 25}. Кроме того, ученые-феминисты занимаются изучением того, что происходит во время войн, особенно влияние (по сути, мужских) войн на женщин, детей и гражданских лиц в широком смысле слова. Они обращают внимание на высокий уровень жертв среди гражданского населения в современных войнах. Тем самым оспаривается миф, что войны ведутся во имя «национальной безопасности», т.е. для защиты женщин, детей и других категорий гражданского населения. Феминисты избрали подход «снизу вверх», анализируя влияние войн на человеческом уровне. При этом, признавая гендерный фактор категорией анализа, феминисты предлагают посмотреть иначе на причины войн и конфликтов²⁶.

Вопреки широко распространенному мифу о том, что в войне по большей части участвуют только мужчины, чтобы защитить «уязвимых» граждан, к которым, как правило, причисляют женщин и детей, следует заметить, что именно женщины и

дети составляют значительную часть убитых и раненых.

В соответствии с докладом ООН «О развитии человека», за последнее время произошло резкое увеличение числа потерь среди гражданского населения – они выросли примерно с 10% в начале XX в. до 90% в его конце. В этом докладе утверждается, что процентный скачок свидетельствует о том, что женщины во время войн оказываются в числе наиболее пострадавших, хотя они составляют всего лишь 2% от мирового военного контингента, находящегося на постоянной службе²⁷.

Разобравшись в том, как воздействует война на женщин, можно достичь лучшего понимания возрастания неравноправности гендерных отношений в период военных действий.

Таким образом, героизация войны – это традиционно-историческая мифологизация мужчин-воинов и защитников, берущая свое начало в период региональных войн и борьбы за территории. Факты и свидетельства о положении женщин и детей во время конфликтных ситуаций, которые были в прошлом и происходят сейчас, серьезно подрывают этот миф. Тем не менее подобные вымыслы сохранили свою значимость для оправдания необходимости войны и невозможности мира и культивируются представителями силовых структур.

Феминисты обращают внимание на тот факт, что политика государств в сфере национальной безопасности зачастую признается «законной» благодаря апелляциям к сакрализованным силовым шаблонам. Но формируемые национальные концепции безопасности складываются не только под влиянием внешних угроз. Нередко манипуляции с образа-

ми угрозы служат для оправдания неудач внутренней политики и экономики, а то и для террора против своего же населения²⁸.

Вряде случаев этот язык силы за-камуфлирован наукообразными рассуждениями о каком-то стратегическом паритете, заботе о глобальной безопасности или некоей глобальной миссии и т.д. Все это, по мнению феминистов, ограничивает возможности мыслить широко о национальной и международной безопасности²⁹.

Женский взгляд демократизирует исследовательское поле безопасности, так как делает его более многоплановым и полиархичным³⁰, продолжая традиции конструктивистского подхода к пониманию социальных процессов как результатов различного рода нематериальных практик³¹. Гендерные исследования позволяют отойти от государственно-центричной мужской парадигмы в изучении проблем безопасности и международных отношений. Специалисты по гендеру отказываются рассматривать мировую политику исключительно сквозь призму дипломатических (в основном представленных мужчинами-дипломатами или пусть даже женщинами, но подчиненными этим мужчинам) взаимоотношений между государствами и обращают внимание на проблемы, которые не уместаются в традиционные концепции безопасности.

Стремясь осмыслить поведение государств в поисках безопасности,

феминисты, как правило, отрицают рационалистические модели. Они считают, что содержащиеся в этих моделях претензии на универсальность и научную объективность представляются проблематичными, поскольку они построены на основе архаических мужских моделей человеческого поведения³³.

При всех издержках и определённой ограниченности феминистского исследовательского направления их взгляд на гендерно-обусловленные модели обеспечения безопасности может помочь выяснить не только причины войн, но и то, как в науке о международных отношениях и внешнеполитической практике рассматриваются проблемы безопасности.

Уменьшение неравных гендерных соотношений создает еще одно сопряжение образов безопасности. Пересечение понятий безопасности и оппозиций восприятий может внести дополнительный вклад в дело мира и социальной справедливости, т.е. предложить в этом сопряжении нечто новое. Более того, минуя дихотомические оппозиции («Мы лучше – чем Они»), способы размышления о войне и мире, формулирование проблемы социального построения гендерных иерархий и «развенчание мифа о мужчинах-защитниках»²⁶, которые способствуют распространению подобного мышления, можно было бы сформулировать менее гендернозависимые и более содержательные определения безопасности.

В целом же речь идет о том, что в повестку дня международной политики включается вопрос об изменении существующего миропорядка. Основной акцент, как представляется, следует сделать на формировании новой культуры сосуществования и взаимодействия всех участников международных отношений.

Нельзя признать нормальным и допустимым, что продажа оружия и производство новых видов вооружений под тем или иным предлогом стимулирует использование силы, что демонстрация и прямое использование силы ради сохранения международной стабильности и мира не достигает цели, а, напротив, создает новые очаги напряженности, что вооруженные внутренние и международные конфликты угрожают безопасности граждан и всему мировому сообществу. Очевидным фактом является то, что мир перенасыщен насилием.

Соответственно, своевременными представляются предложения по формированию «культуры мира»^{34, 35, 36}, а также «этики сотрудничества» в условиях глобализации, исходящие от ЮНЕСКО. По существу, это возможно реализовать только через насыщение политического пространства и международных отношений надгосударственными гражданскими связями, более предрасположенными к пацифизму и космополитизму, чем традиционные государственные коммуникации.

При всей абстрактности и противоречивости дискуссий о будущем мироустройстве позитивным является то, что центральным становится вопрос о более тесном сотрудничестве государств мира, вне зависимости от существующих между ними противоречий в интересах и различий в ценностных ориентациях. Организация пространства международных отношений на новых принципах предполагает умение видеть интересы друг друга через призму толерантности, а также через развитие навыков ненасильственного разрешения противоречий и проведение политики превентивного миротворчества. Для всех стран мира это должно стать началом осознания себя и своих национальных интересов в условиях все более растущей взаимозависимости.

Примечания

¹ Этатизм и анархизм как типы политического сознания. М., 1989.

² Пацифизм в истории. Идеи и движения. М., 1998.

³ Философский словарь. М., 1963.

⁴ Толстой Л.Н. Закон насилия и закон любви. Полн. собр. соч.: в 90 томах. М., 1928–1958. Т. 37; *Он же*. В чем моя вера? Собр. соч.: в 22 томах. М., 1983. Т. XVI; *Ганди М.К.* Моя вера. М., 2009; *Кинг М.Л.* Есть у меня мечта... Избр. М., 1970.

⁵ Мураками Т. Лев Толстой и пацифизм // URL: www.krotov.info; Гусейнов А. Л.Н. Толстой о непотворении злу насилию // Свободная мысль. 1994. № 6; Мир / Peace: Альтернатива войне от античности до конца Второй мировой войны. М., 1993.

⁶ Задохин А.Г. Борбата за мир като обект на сътрудничеството на комунистите. София, 1986.

⁷ Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм. М., 1961.

⁸ Задохин А.Г. Международното сътрудничество между СССР и България в борбата за мир и разверване на международна напрегност в Европа през 70-те години. София, 1988.

⁹ Горбачев М.С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М., 1987.

¹⁰ Cady D.L. From Warism to Pacifism: A Moral Continuum. 1989.

¹¹ Moller B. The Concept of Security: The Pros and Cons of Expansion and Contraction // COPRI Working Paper. 2000. № 26. P. 2–3.

- ¹² *Хабермас Ю.* Косовский конфликт в контексте современного миропорядка // НГ. 1999. 2 июля.
- ¹³ Военная сила в международных отношениях / под общ. ред. В.И. Анненкова. М., 2009. С. 39.
- ¹⁴ *Най Дж. С.* Гибкая власть. Как добиться успеха в мировой политике. Новосибир.: М., 2006. С. 30–32; *Филимонов Г.* Внешняя политика США как компонент «мягкой силы». Дисс. ... кандидата политических наук. М., 2007.
- ¹⁵ *Кузнецов В.Н.* Гуманитарные взаимодействия: Социологическое исследование становления геокультурной теории безопасности. В 3 томах. Т. 3. Основания глобальной безопасности: Социологический гуманитарный аспект. М., 2009.
- ¹⁶ *Митрофанова А.В.* «Человеческая безопасность» – вызов национальному суверенитету? // Ученые записки. ИАМП. Дипломатическая академия МИД России. М., 2001. С. 34–53.
- ¹⁷ *Коэн Р., Михалка М.* Безопасность на базе сотрудничества: новые перспективы международного порядка. Публикация № 3 Центра им. Маршала. Die Zeit. 1999. № 8.
- ¹⁸ *Акопян А.А.* Безопасность и государство // Национальное государство в условиях глобализации. М., 2005. С. 99.
- ¹⁹ Стратегия и проблемы устойчивого развития России в XXI веке. М., 2002. С. 41–48, 204–206.
- ²⁰ *Вовченко О.М.* Общественное равенство женщин: Взгляд сквозь время и пространство. М.: Тройка, 1995.
- ²¹ Военная сила в международных отношениях. М., 2009.
- ²² *Денисов В.В.* Социология насилия. М., 1975; *Шевченко О.В.* Феномен насилия в международно-политических конфликтах современности. Автореф. дисс. ... канд. полит. наук. М., 2004.
- ²³ *Алексеева Т.А., Лебедева М.М.* «Женщина-невидимка» в мировой политике: уроки для России // *Тикнер Дж.Э.* Мировая политика с гендерных позиций. М., 2006.
- ²⁴ *Ушакова В.К.* Общественная роль женщины и идеология феминизма (критический анализ); Автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1984.
- ²⁵ *Тикнер Дж. Э.* Мировая политика с гендерных позиций. Проблемы и подходы эпохи, наступившей после холодной войны. М., 2006. С. 146.
- ²⁶ United Nations, Human Development Report. 1995. P. 45; Quoted in Pettman, Worlding Women. P. 89.
- ²⁷ *Малахов В.С.* Национализм как политическая идеология. М., 2005. С. 200–215.
- ²⁸ *Соснов А.В.* Путь в технологический тупик. Российская экономика не потянет развитие стратегических наступательных вооружений // НВО. 2010. № 2.
- ²⁹ *Hiysmans J.* Migrants as a security problem: dangers of 'securitizing' societal issues // Migration and European Integration. The Dynamics of Inclusion and Exclusion. Edited by Robert Miles and Dietrich Thranhardt. Pinter Publishers, London and Fairleigh Dickinson University Press, Madison & Teaneck, 1995. P. 57–70.
- ³⁰ *Kofman E.* Feminism, Gender Relations and Geopolitics: Problematic Closures and Opening Strategies // Globalization: Theory and Practice. Edited by Eleonore Kofman and Gillian Youngs. Pinter, 1996. P. 218.
- ³¹ *Nicholson L.* Interpreting gender // Social postmodernism. Beyond identity politics. Cambridge University Press, 1995. P. 39.
- ³² *Клименкова Т.А.* Философско-мировоззренческие аспекты феминистских представлений о природе «женственности» и «мужественности» // Философия и мировоззрение. М., 1988. С. 141–169.
- ³³ *Задохин А.* Глобальное управление и саморегуляция человеческой цивилизации // Обозреватель–Observer. 2003. № 3.
- ³⁴ *Локшин Г.* Культура мира. Блажен, кто верует! // Обозреватель–Observer. 2005. № 5.
- ³⁵ *Гриценко Г.* Толерантность в культуре мира // Обозреватель–Observer. 2006. № 8.